

Не буди лихо

Автор:

Валерий Столыпин

Не буди лихо

Валерий Столыпин

В юности автор мечтал стать писателем. Старался, упрямо скрипел карандашами. Не стал, по причине отсутствия житейского опыта. Позже жизнь закрутила – писать стало некогда. Надеялся, что когда-нибудь потом расскажу обо всём. Оказалось, что память – весьма ненадёжная функция. Но мечта осталась. Когда возраст начал напоминать о себе пришло время подводить итоги. Багаж событий к тому времени был накоплен солидный, посему решено было кропать мемуары. Вот только писать за столько лет совсем разучился. Пришлось вспоминать правила грамматики, пунктуации и многое другое. Попутно выяснилось, что жизнь обычного человека никому, даже близким людям, не интересна. Тогда автор начал вести душевные беседы и слушать. Есть у моих соотечественников сентиментальная особенность – желание исповедаться, выговориться, вывернуть наизнанку душу, особенно когда один на один да под рюмку чая. Попробовал – получается. С тех пор и пишу.

Содержит нецензурную брань.

Валерий Столыпин

Не буди лихо

Всё однажды кончается, но...

Про эффект чёрно-белого кино в супружеской жизни.

Чёрт бы побрал мою врождённую способность двигаться бесшумно.

Лучше бы я этого кино никогда не видел и не слышал. Хотя...

Что поделать, всё уже произошло: изменить видеоряд, остановить движение киноплёнки, закрыть глаза, отвернуться, уйти – не-воз-мож-но-о-о-о!!!

Чувственное изображение на картинке, чёрно-белый абрис безумной страсти на фоне стены, освещённой отражённым светом уличных фонарей, застыло где-то внутри меня: в мозгу, в глазах или где-то ещё вне телесной оболочки.

Объёмная голограмма впечаталась в сознание, словно отлитая в бронзе или высеченная в каменном монолите.

Это был миг... ослепительная вспышка между прошлым и будущим в звенящей темноте моей уютной комнаты... нашей с женой спальни, где мы прожили бесконечно долгие, благословенные и счастливые семь лет.

Честно говоря, я до сих пор не могу убедить себя, что это случилось на самом деле.

Дикая, нелепая случайность. Так хочется думать.

Все векторы судьбы странным образом сошлись в единственной точке, проекцию которой я только что с содроганием и леденящей тоской, сковывающей тело и разум, наблюдал на слабо мерцающем экране.

В электрической системе нашего офиса произошла какая-то странная авария, причину которой никак не могли обнаружить. Потом загорелся цокольный этаж. Понаехали пожарные, здание оцепили. Нас эвакуировали.

Начальство приняло решение отпустить всех по домам, поскольку на улице было темно, холодно и ветрено, а толпа на улице ограничивала аварийной команде свободу действий, а до завершения рабочего дня оставалось чуть больше двух часов.

Не скрою, я обрадовался. У жены как раз был плановый выходной. Мы так давно нигде не были вместе.

По дороге я совершенно случайно купил билеты на концерт Петра Налича, который анонсировали в ночном клубе по соседству с нашим домом.

Две девчушки уступили мне счастливый случай угодить жене: она так любит Петра и его замечательный музыкальный коллектив.

Сердце моё стучало в предвкушении триумфа до которого оставалось восемь пролётов лестницы (лифт почему-то не работал), входная дверь и малюсенький коридорчик.

Я тихо-тихо, как сапёр или разведчик, отворил замок, прошмыгнул в коридор, снял верхнюю одежду, стараясь не скрипеть ламинатом.

В квартире приятно вибрировал таинственный, мягкий полумрак, создающий для выполнения моей приятной миссии замечательный антураж и эмоционально насыщенную атмосферу.

Жена, по всей видимости, прилегла. Или мечтала о чём-то своём, девичьем. На то и выходной, чтобы насладиться тишиной и одиночеством. Сам давно мечтаю о целом дне, посвящённом беспрецедентной, абсолютной лени.

Тапочки я не стал одевать специально, мечтал разбудить любимую поцелуем или ласковым прикосновением.

Я различил в полной тишине едва слышимое шуршание, потом вздох или приглушённый стон.

Додумывать ничего не хотелось: до концерта оставалось не так много времени, если всерьёз рассуждать о том, чего стоит молодой женщине собраться на концерт экспромтом, без предупреждения.

Наслаждение моментом усилилось до размеров экстаза, когда я неожиданно почувствовал резкий, очень знакомый запах страстного поединка мужчины и женщины в постели.

Бред какой-то, странная материализация интимных фантазий.

Вечером, это приключение случится вечером, после концерта и... да, романтический ужин в кафе, а потом, на подъёме настроения в качестве благодарности.

Будет, конечно всё будет.

Понятно, что я тут же отмахнулся от глупой иллюзии, которой пытался увлечь меня изощрённый в интимных интригах мужской мозг, мечтающий скорее обнять любимую женщину.

Ещё один скользящий бесшумный шаг по поверхности полированного ламината...

На фоне тусклого света стены в нашей супружеской спальне красиво извивались две изящные тени. Чудесное видение.

Я едва успел затормозить, когда грациозный силуэт с мягкими девичьими округлостями, нависающий сверху, чувственно выгнулся и застонал.

Кино оказалось озвученным, причём голос был явно знакомый, тот самый голос, которым...

Неужели?! Да нет, глупости.

Я засмотрелся на стремительно раскачивающийся ритм волшебного танца теней.

Хрупкая фигура сверху хлопала летящими крыльями, вибрировала, грациозно и плавно откидывалась назад, застывала на мгновение, падала вниз.

Силуэты приподнимались, сливались, закручивались, порхали, растворялись в темноте и снова возникали на фоне мерцающего экрана, повторяясь на нём искорёженными пространством и перспективой двойниками теней.

Лишь изредка танцоры приобретали объём, когда их вытаскивал из темноты свет автомобильных фар.

Сладострастные звуки эмоционально дополняли потрясающий экспрессией и динамикой соблазнительный видеоряд, который крутили и крутили бесконечно долго.

Светлым каскадом рассыпались по плечам виртуозно скачущей прелестницы поблескивающие искрами волосы, струящиеся по угловатым плечам.

Я был потрясён, шокирован, раздавлен непристойно бесстыдной красотой кинофильма, на демонстрацию которого действующие лица и исполнители наверняка не рассчитывали.

Героиня ролика затряслась вдруг в экстазе, прерывисто задышала, закричала как раненная птица и затихла, позволив второй фигуре взять на себя ведущую роль.

Тени на время неподвижно застыли, переместив акцент на чмокающие звуковые эффекты, на жаркий чувственный шёпот, усиленный концентрированным ароматом похоти.

Мурашки толпой понеслись по моей превратившейся в очаг воспаления коже. Ничего более захватывающего, более интимного и чувственного я не видел ни на одном экране.

Где-то в глубине себя я пытался осознать нелепость и мерзость увиденного, но сложить воедино, поверить в реальность реализации страстного эротического сюжета с женой в главной роли было выше моих сил.

Тем временем любовники поменялись местами.

Крепко скроенный торс переместился вверх, принялся, громко дыша и хлюпая, раскачиваться с ускоряющейся амплитудой. Крошечные ножки летали в такт мощным движениям.

Я стоял в оцепенении, не в силах сдвинуться с места.

Весьма правильно и эффектно в данных обстоятельствах было бы прервать захватывающее эротическое представление продолжительными аплодисментами, переходящими в неистовые овации, потом вызов на бис, включение яркой иллюминации...

Мне хотелось посмотреть в глаза пламенным виртуозам, лично поздравить с успехом премьеры, но на это не было ни сил, ни желания.

Оставалось дожидаться ещё одной кульминации, которая судя по звукам была предельно близка.

Боже, какая нелепость какой дурной вкус, какое абсурдное восприятие действительности, в которой на моих глазах я же был превращён в украшенное ветвистыми рогами ничтожество: глядя на эту фантастическую пошлость, на публичную измену, у меня неожиданно случилась эрекция небывалой силы.

Кажется... кажется я кончил... кончил одновременно с актёришками.

Некоторое время, пока любовник накручивал на пальцы золотистые локоны жены, пока шептал ей на ушко слова признательности, пока громко перецеловывал что-то там у неё внизу, пока видеоряд транслировал лишь вздымающийся пузырь простыни или одеяла, я пытался прийти в себя, пытался принять хоть какое-то взвешенное решение, которого, увы, не было.

Туман в голове усиливался. Ещё мгновение и скорее всего я упал бы в обморок.

Я ощутил на губах солёный вкус: непрошенные, напрасные по своей сути слёзы. Стоит ли сожалеть о том, что стало вечностью, тем более не своей, чужой вечностью?

Всего один шаг между прошлым и будущим отделял меня от любви, которая упорхнула в нехстати открытую форточку, только что, только что.

Я видел в динамике, как любимая женщина улетала в параллельную Вселенную, как яростно взмахивала элегантными руками-крыльями, такими маленькими, такими родными и нежными.

Подступило и заперло дыхание страстное желание закричать, затопать ногами, сорвать с негодяев обнажающие их преступную суть покровы, вызвериться, отхлестать по щекам, выбросить нагишом на лестничную площадку, чтобы неповадно было обманывать человека, который верил, верил, верил!

Верил, но ошибся.

У меня был выбор: устроить грандиозный скандал, став на мгновение победителем, или уйти незаметно, по-английски, отпустив ситуацию на волю, чтобы дать себе время обдумать каждую мелочь, каждый штрих предстоящего решения.

Мне было предельно больно, больно физически, словно что-то жизненно важное отчекрыжили от моей чувствительной плоти изуверским инквизиторским приспособлением, тщательно продуманным, чтобы причинять максимально возможные страдания.

За несколько мгновений, впрочем, я совсем не представлял порядок и размер реальной временной шкалы, потому, что она немисливо растянута, образовав нечто вроде подвижного вывернутого наизнанку тора, возвращая и возвращая события в точку кристаллизации событий, разрушивших до основания ощущение мира во мне и меня в этой агрессивной, склонной к разрушению иллюзии.

Перед глазами поплыли обрывки чьих-то фраз, чёрно-белые мерцающие кадры суесящихся теней, резкий свет. Потом начали проявляться уродливые испуганные лица, выглядывающие из помятых простыней.

Любовник бочком сполз с супружеского ложа, зажал некий сморщенный предмет, болтающийся между ног.

Эхом звучали странные фразы пытающейся обосновать случайность произошедшего спектакля жены. Тщедушный мужичка прыгал на одной ноге, пытаясь вдеть ногу в непослушную штанину, распахивал по карманам трусы и носки, извинялся, давал нелепые обещания.

Жена хлопала ресницами и губами, словно пыталась поймать пузырьки воздуха, спрятала под подушку использованные не по назначению трусики, стыдливо закрывала ладонями торчащие вишнями соски, суетливо накручивала на торс простыню.

Глядя на это представление, спонтанно созрело решение: какого чёрта я должен страдать по такому позитивному в принципе поводу? Карты, пусть и случайно, вскрыты, секреты обнажены, выставлены на обозрение. Шулер утратил шанс показывать фокусы.

Меня тут же отпустило. В голове и теле появилась лёгкость.

Я рассмеялся, рассмеялся им в глаза, сказал, что чёрно-белое зрелище чувственного секса, особенно завершающий аккорд, было впечатляющим, что я даже предположить не мог, насколько у меня темпераментная, гибкая и чувственная спутница жизни – просто цирковая акробатка, гетера, танцующая фурия.

Посылаю бывшей жене воздушный поцелуй, разворачиваюсь и триумфально удаляюсь, оставляя парочку в полном замешательстве.

Жаль, что не догадался снять пикантную сцену на телефон: в голову не пришло.

Ну и ладно. Зато я под впечатлением.

Моя жизнь, мои правила. А они... пусть сами разбираются. Каждый остаётся при своём: им секс, мне свобода от обмана.

И всё же интересно – как давно любимая водила меня за нос?

По нелепой случайности Часть 1

Посмотрев вслед уходящему поезду, доставившему его на нужную станцию, Антон решительно шагнул из тёплого брюха вокзала на дождливую улицу, которая больше напоминала территорию заброшенного предприятия.

Сколько раз уже видел он открывшуюся взору неприглядную картину, но никак не мог привыкнуть к нелепому хаосу.

Выглядела площадь и улица так, словно кто-то радикально активный, но бесталанный и не цельный по натуре мечтал как-то обустроить эту территорию, имея в голове несвязную, наивную, но весьма амбициозную цепочку красивых идей и карьерных планов.

Похоже, горе-архитектор заболел от избытка впечатлений, может запил или просто устал мечтать, передумал воплощать в жизнь намеченный бред, оставив свои идеи в стадии частичной реализации, чем и удовлетворил воспалённое самолюбие.

Подобные “шедевры” довольно реалистично воспроизводят декорации бомбёжки из фильмов про войну.

Местные жители до крайности утомлённые нелепым стечением обстоятельств, обрекших их на пожизненное заключение в рамках означенной территории, не сговариваясь, решили не обращать на данное обстоятельство никакого внимания.

Зачем, если нелепая серость и скудость провинциальной жизни без того прёт изо всех щелей, как бесстыжие шустрые тараканы на коммунальной кухне.

Население региона, за редким исключением, щеголяет в облезлых шапках-ушанках, в резиновых сапогах и потёртых обесцвеченных телогрейках: не потому, что модно, или принято так одеваться – от крайней нужды.

Антон пока выглядел несколько иначе – должность старшего зоотехника и одновременно заместителя директора в совхозе обязывала его одеваться более-менее прилично.

Пока он старался соответствовать образу сельского интеллигента, хотя жизнь его в реальности была ещё более скудная, нежели у его работников: ставка специалиста на селе в зоне рискованного земледелия благоденствием не балует: она просто есть, хотя наесться вдоволь не позволяет.

Напротив вокзала – автостанция. К ней и направился юноша, старательно огибая на щербатом клочке асфальта, гордо именуемом площадью, глубокие лужи.

Под тремя старинными тополями стоял сарай, освещённый болтающимся на корявом деревянном столбе тусклым фонарём, который и значился той самой автостанцией.

Перед сараем под открытым небом был сооружён дощатый настил и две скамейки, промоченные до черноты бесконечными северными дождями.

Настил был художественно заплёван шелухой семечек, разномастными окурками и окроплён помётом многочисленного семейства пернатых,

прижившихся в густой кроне.

На этом пятачке сгрудились в ожидании утренних автобусов будущие пассажиры.

Антон как положено в этих краях поздоровался, занял очередь.

Пассажирам, купившим билеты первыми, достанутся сидячие места – это ощутимый бонус: остальные поедут стоя, что очень не просто на районных дорогах, если направления следования транспорта можно назвать дорогой в принципе.

Асфальт, да и то в чудовищном состоянии, клочками присутствовал только в самом посёлке, далее начиналась грунтовка, испещрённая вкраплениями ям глубиной в высоту колеса: то ещё родео.

Автобуса ещё нужно дождаться, а пока можно в полной мере насладиться колоритным местным острословием, каким талантливо наделён на суровом севере каждый.

Антон закурил, предложил папироски и рядом стоящим мужичкам, которые не стали отказываться от возможности затянуться халявным дымом.

Этим простым действием юноша освободил себя от необходимости начинать разговор первым.

Широколицый щербатый дядька с бесцветными глазами и недельной рыжей щетиной постучал деловито папироску о корявый с чёрной каймой огромный расплющенный ноготь, ловко пережал кончик гильзы в двух местах, смачно сплюнул себе под ноги и забросил готовую к употреблению сигарку в угол беззубого рта, жестом показывая необходимость прикурить.

Зажжённая спичка как прежде пачка папирос пошла по кругу, дав начало неспешной беседе обо всём и ни о чём.

Антон кивал, словно разговор и ему грел душу, а сам водил взглядом по сторонам, пропуская суть беседы мимо ушей.

Под деревом отдыхали, свернувшись клубком, три одномастных дворняжки, вздрагивая время от времени от тревожных впечатлений сонного мира.

Выжили бедолаги, натерпелись за суровую северную зиму.

Природа просыпается. Мыши зашевелились. Если и не покормит кто сердобольный, можно намышковать на обед за ночь. Дворовые псы не особо привередливы.

Небо помалу светлело. Ветер уже не подвывал, а повизгивал, заставляя всё же временами скрипеть и мотаться из стороны в сторону огромные ветви старых деревьев.

Через площадь перебежала светлая кошка, озираясь по сторонам: что-то отыскала съедобное, тут же начав завтракать. Откуда ни возьмись, прилетели три огромных вороны.

С гортанными криками агрессоры начали наступление на добытчицу с разных фронтов. Нападали по очереди, щипали сильными клювами.

Это их территория. Они как завзятые рэкетеры держат её под неусыпным контролем.

Бедолага сделала несколько воинственных бросков, заверещала в сердцах и сдалась, оставив злодеям скудную добычу.

Не повезло. Однако и она пережила свою зиму, значит, наработала бесценный опыт добычи съестного: нелегко выживать, но она справится.

Разговор затих, перейдя в вялую стадию. Курево закончилось. С дерева на настил плюхнулась оторвавшаяся ветка, больно стегнув нескольких пассажиров.

С места вдруг сорвались дворняжки, поскакав к подходящей со стороны улицы грузной, ярко одетой и чрезмерно накрашенной даме. Они яростно приветствовали тётку хвостовыми моторчиками, сопровождая до дверей станции, обозначив тем самым её привилегированное положение.

Дама, недовольно сопя, грузно проследовала до дверей сарая, рассекая толпу огромного размера колышущимся в такт шагам сдобным телом. Оно, тело, одышливо пыхтя, прижало широкой грудью к стене бездонную сумку, порылось в её непроглядной глубине, ворча недовольно под нос, отыскало связку ключей и отворило дверь.

Втиснувшись бочком, тело развернулось к пассажирам лицом и смерило хмурым взглядом. Затем последовала возня с усиленным сопением и на пороге

появилась фигура в застиранном широченном халате с метлой-голиком.

Тётка размашисто заработала нехитрым инструментом прямо по ногам будущих пассажиров, сгребая мусор за пределы настила, не переставая недовольно порыкивать, глядя себе под ноги.

Народ молчал, отступая и сторонясь – видно посчитали, что та в своём праве.

Подметя настил, дама смачно хлопнула дверью, закрыла её изнутри на щеколду и скрылась.

Надолго.

Очередь зашептала, но никто не решился обсуждать непонятное явление вслух.

Через некоторое время, превысившее означенное в табличке, висящей на стене, минут на пятнадцать, дверь отворилась. Тело, по утиному кренясь из стороны в сторону, проследовало в помещение билетной кассы, откуда дразняще запахло кофе и копчёной колбасой.

Вскоре Антон вышел из кассы, победно держа билет с сидячим местом. Невиданная удача – можно будет дремать до нужной остановки.

К автостанции уже подтягивались одинаковые как близнецы: обшарпанные, местами побитые, ржавые гроыхающие ПАЗики, наполняя свежий утренний воздух удушливым выхлопом плохо отрегулированных двигателей.

Небывалое счастье, позволяющее изменить вертикальное положение тела на сидячее, причём сухое и тёплое.

За рулём автобуса был знакомый водитель. Договориться, чтобы разбудил на нужной остановке, не составило труда.

Антон уселся на боковое сиденье – спереди у двигателя: это место самое тёплое. Устроился и моментально заснул.

Юноша брёл бесцельно по цветущей разнотравьем солнечной поляне, воздух которой был пропитан манящими ароматами влажных утренних испарений цветов, деревьев, тепла, трав.

Ему захотелось танцевать, двигаться, хоть как-то выразить восторг состоянию эйфории, чем он и занялся немедленно.

Антон несколько не смущало глуповато придурочное поведение: вот оно, ощущение безмерного счастья, пусть и недолгого, но распирающего изнутри.

В каждой клеточке мозга звучала негромкая ритмичная мелодия, передающая дальше желание двигаться и жить.

Вот он и жил, позволяя телу извиваться в нелепом, но радостном танце, дающем силу, подогретую естественным мужским желанием близости, которой у него не случилось...

Да никогда не случилось. Вот!

Жуткая, просто невыносимо сильная эрекция настигла Антона внезапно посреди бешеного танца.

Он упал в изнеможении в траву, ожидая мгновенного оргазма, но на краю поляны появилась хрупкая, вся в сиянии сказочно светящегося закатного света светящаяся фигура прекрасной девочки, одетой в лёгкое коротенькое платье, а под ней, словно в воде, отражалось небо.

Девушка грациозно ступала, танцуя, кружась, почти не касаясь ногами земли и удаляясь, а ещё манила его зовущим движением рук.

Лица было не разглядеть, но дива представлялась прекрасной и лёгкой, настолько, что юноша готов был лететь за ней хоть на край света.

Однако ноги не желали выполнять приказы безвольного тела.

Видение тем временем удалялось прочь от поляны. Вот оно уже почти скрылось в растворяющемся мареве.

Антон ещё видел расплывающийся контур ускользающего силуэта, но сдвинуться с места не мог: его удерживала неведомая грубая сила, которой не было возможности сопротивляться.

Затем тело и мозг одновременно взорвала внезапная острая боль... прямо в паху...

Антон мгновенно проснулся не понимая где находится, как сюда попал... где, где та девушка, чёрт возьми, и почему ему нечем дышать!

Автобус крепко тряхнуло на очередной дорожной ухабе. Стоящие пассажиры рухнули по направлению движения. На Антона свалилась красномордая клетчатая девчонка, угодив повторно острым локтем в то же место, которое уже было травмировано.

Юноша задохнулся от невыносимой боли, попытался вскочить, сделать хоть один вдох.

Далее последовал следующий толчок, и ещё одна попытка лишить его мужского естества, только теперь девица угодила в самое больное мужское место мосластым задом.

Антон готов был разорвать её на части, только не в состоянии этого сделать из-за невыносимой боли и невозможности сделать полноценный вдох.

Похоже, теперь ему точно понадобится срочная медицинская помощь.

Антон одну за другой предпринимал попытки дышать, покрываясь холодным потом. Глаза невыносимо щипало от слёз. Похоже, отныне он инвалид, а о девушках, красивых, уродливых и прочих, можно будет вспоминать лишь во сне...

Нет, вроде пронесло: дыхание вернулось, боль медленно рассасывалась.

Насилу отдышавшись, Антон посмотрел на свою обидчицу. Перед ним, подпрыгивая на каждой кочке, стояла злая как чёрт раскрасневшаяся девица невысокого роста.

Лицо у матрёшки круглое, с небольшим аккуратным носиком. Клетчатое пальто, вязаная пушистая шапочка, сползшая на глаза. Вызывающе-наглый, чрезмерно агрессивный взгляд готового к наступлению ребёнка, решающего, обидеться немедленно или сначала устроить истерику.

Трясущиеся тоненькие ручонки с обгрызенными ногтями выдавали натуру крайне эмоциональную, способную к неожиданным, возможно даже агрессивным действиям.

– И нечего на меня глазеть, я тебе не какая-то там... Ишь, расселся, тут! Ещё и недоволен!

Террористка повернулась вполоборота и встала в гордую позу Наполеона, надеясь вызвать волну участия и сочувствия у остальных пассажиров.

Все молчали. Никто не возмущался, не думал качать права: дорожные обстоятельства, вполне обыденные для этой местности.

Все пассажиры практически в равных условиях: подобная участь могла ожидать каждого.

– Мне кажется нападать, если по справедливости, положено именно мне. Ведь вы, милая девушка, практически искалечили меня. Ещё неизвестно, чем ваш апперкот в итоге обернётся для меня как для мужчины. А если у меня теперь детей никогда не будет? Или будут, но какие-нибудь неправильные. Я ведь не требую сатисфакции, понимаю, что ваша вина лишь в том, что стояли рядом и слишком близко...

– Чего ты там вякаешь, чего с меня требовать собрался? Не, вы слышали, а! Я больше тебя пострадала. Вероятно, навсегда теперь заикой стану. Может меня теперь никто замуж не возьмёт.

– И во всём этом виноват я? Ну вы, милая, даёте... стране угля... ещё скажите, что теперь на вас жениться обязан. Или удочерить. А может мне содержать вас пожизненно? А кто за моё увечье ответит? Давайте лучше так: вы успокойтесь и присядете мне на колени, чтобы окончательно не испортить и без того искалеченную вами мою молодую судьбу. И помолчим, пока не наговорили друг другу всякого разного. Если настаиваете, могу извиниться, хоть и не считаю себя виноватым.

– Хм, – сказала она и со всего маху плюхнулась Антону на колени, прищемив то самое больное место.

Он сжался в тугую пружину, но отчего-то выдержал и эту пытку, обхватив девушку обеими руками.

Её длинные распущенные волосы нагло лезли ему в глаза, в рот и нос, щекоча и раздражая.

Антон терпел.

Вот ведь навязалась на его голову. Сколько людей вокруг, так нет – его выбрала, террористка-налётчица.

Острые ягодичы попутчицы на каждой кочке больно врезались в мышцы Антохиных бёдер. Несмотря на маленький рост и щуплый вид девушка оказалась довольно тяжёлой и плотной.

Юноша из последних сил тренировал выдержку, затрудняясь принять решение: что делать?

Немного погодя девица пригрелась, расслабилась. Антон тоже успокоился, перестал концентрировать внимание на произошедшем событии.

Нет, не так, просто переключился на иное восприятие того же самого объекта: уловил нежный аромат тёмных шелковистых волос и белоснежной кожи на шее, почувствовал напряжение мышц её упругой молодости, горячее тепло, обжигающее неизвестной энергией, стремительно перетекающей внутрь его истосковавшегося по тактильным ощущениям тела.

Антон вдруг осознал, что в его руках впервые в жизни настоящая девушка, что его ладони безнаказанно лежат на её животе, что губами свободно можно дотронуться до её ушей и до шеи...

От этой мысли стало то ли совсем жарко, то ли душно, во всяком случае, не по себе...

Когда девушка просто сидела, пока в голове не родилось озарение от этого странного факта, пассажирка была обузой, бременем, и вдруг неожиданно превратилась в ценнейший груз.

Антон приближал губы к мочке её уха, уловил звук дыхания, биение сердца, почувствовал движение мышц, хотя, может быть это совсем и не её сердце так отчаянно колотилось, отдаваясь в каждой клеточке возбуждённого странными мыслями тела?

Антону вдруг стало хорошо, уютно.

Он прижимал попутчицу увереннее и плотнее, словно оберегая от прыжков по неровностям дороги, на самом деле оценивая содержимое физической сущности, чудом оказавшейся в его девственных объятиях.

Достаточно близко познакомившись с её упругим тылом и корпусом, Антон захотел и лицо разглядеть поближе.

Мимолётный взгляд, когда внимание было приковано к очагу боли, не в счёт: негативное восприятие искажает впечатление.

Он про себя обозвал девушку красномордой, хоть и не вслух, даже не разглядев на самом деле цвет кожи и черты лица.

Какая она? Наверняка привлекательная. Ведь заметил же Антон её молодость, а юные девы всегда опьяняюще соблазнительны, даже если не ослепительно красивы.

Закрыв глаза, Антон художественно дорисовывал в воображении облик попутчицы, соотнося эскиз с реальными ощущениями.

По запаху и деталям тыла попутчицы создать полноценный портрет не получалось.

В голове всплывало ускользающее лицо первой любимой девушки, с которой Антон расстался почти год назад. Оно мешало сосредоточиться, невольно добавляя мысленному эскизу несуществующие штрихи.

Юноша припомнил недавний сон, улыбнулся про себя: не её ли видел там, на поляне?

Антон попытался воскресить в памяти ход событий того сна эпизод за эпизодом, причём удачно.

Он опять танцевал, раскачивая целиком всю поляну, и ждал, ждал, когда вновь появится дива, чтобы сравнить.

Состояние эйфории усиливалось ожиданием момента счастья, которое во второй раз он точно не упустит.

На том же самом месте, за мгновение до её появления Антона снова накрыла неудержимая эрекция, такая же, как тогда, только гораздо сильнее. Только теперь он был не один. И не спал.

Заливаясь краской, юноша пытался унять биение сердца, учащенное дыхание и взбухающее естество. Руки предательски дрожали, мышцы наливались свинцом.

Антон оглядывался по сторонам, представляя, что весь автобус смотрит на него, что все знают, что происходит. Его тело вибрировало с такой амплитудой, словно испорченная и основательно перегруженная стиральная машина, заставляя, чтобы унять дрожь, ещё сильнее прижимать к себе сидящую на коленях девочку.

Возбуждение между тем нарастало.

Ему мерещилось, что пассажирка плавно приподнимается при каждом следующем всплеске спонтанных скачков взбудораженной плоти, но девушка спокойна, похоже, даже задремала.

Попытки сдержать приближение разрядки силой воли потерпели полное фиаско. Остановить запущенную цепочку физиологических реакций было невозможно.

Импульсы желания лишь усиливались.

Наконец напряжение вышло из-под контроля и пролилось горячим потоком, окончательно поставив на дыбы травмированный орган, что невозможно было не почувствовать даже через пальто, если только...

Если только девочка реально не заснула, что было бы сейчас просто спасением, просто чудом.

По нелепой случайности Часть 2

Антон изо всех сил пытался унять внутренний огонь.

Тщетно: его раскалённое дыхание исторгало жар, на котором можно было приготовить бифштекс.

Тело сотрясала и сотрясала активность невероятной силы.

Боже, как стыдно. Юноша даже не подозревал, что такое бывает. Он считал себя человеком выдержанным, стойким, тем более в общественном месте.

В этот момент раздался спасительный храп, её храп.

Попутчица вздрогнула, наверно испугавшись этого звука, и проснулась. Потянувшись, выгнула спину, несколько смущённо скосилась на Антона, улыбнулась.

– Неужели заснула? Согрелась, вот и разморило.

Антон благодарил судьбу за то, что случилось именно так, что она не почувствовала и не поняла пикантности тесного соприкосновения, когда на глазах у всего автобуса юноша фактически вступил с девушкой в интимную связь.

Слава Богу, тайно и она об этом никогда не узнает.

Антон сидел в мокрых липких брюках, чувствуя острый мускусный запах любовного секрета. Девушке подобный аромат мог быть неизвестен вовсе, но людей с опытом любовных связей обмануть было невозможно.

Вот до чего доводят нелепые фантазии. Хоть бы в деревню кто из новеньких девчонок приехал. Местных-то разбирают ещё в школьные годы. Даже познакомиться не с кем, не то что влюбиться и... и жениться.

Антону двадцать лет, а он до сих пор, как в деревне говорят – юнец недёржанный, мальчишка слопливый. Только что целованный.

Это не значит, что разрядка, оргазм ему неведомы. Как всякий любопытный юноша, он тоже тщательно и скрупулезно исследовал своё тело, его возможности. Но в непосредственном контакте с девушкой, точнее, при её невольном участии, это же... это совсем другое.

“Извините меня, милая барышня. Не хотел причинить вам зла. Так вышло. Нелепо и гадко. Только я не виноват. Ваш вид, ваш запах... плюс немного фантазии. Всё было так реально. Это молодость... молодость во всём виновата”

– Ну что, пригрелись голубки, – произнёс водитель, – приехали. Это и ваша остановка, девушка.

Озадаченно посмотрев друг на друга, ребята дружно рассмеялись.

Правда Антон больше от смущения: а ну как увидит девчонка на брюках следы его недавней неостывшей страсти. Это недопустимо. Такого... такого не должно случиться.

Антон тайком оглядел область ширинки на брюках, где, о счастье, ничего не проявилось, но на всякий случай портфелем закрыл корпус.

Забрав нехитрые пожитки, ребята соскочили в придорожной деревеньке, где по сторонам дороги стояли четыре покосившихся дома из почерневших брёвен, поросших грибами и мхом.

Самое солидное строение – местный сельмаг. В нём даже телефон имелся. Интересно, к кому приехала девчонка, надолго ли, зачем?

Стояли, молчали, неловко переминаясь с ноги на ногу. То девушка, то Антон предпринимали попытки завязать разговор, обозначая это желание красноречивыми жестами, глуповатыми улыбками и странного характера мимикой, но с уст так и не сорвалось ни единого слова.

Молодёжь размахивала руками, пожимала плечами, вытанцовывались лишь фигуры крайней застенчивости и прямой нерешительности.

– Лиза... Елизавета, – первой прервала молчание девушка, – так меня зовут. А тебя?

– А я Антон. Просто Антон. Вот.

Неловко переминаясь с ноги на ногу, они поглядывали украдкой друг на друга. Во всяком случае, юноша точно. Он всё набирался смелости рассмотреть, наконец, объект повышенного интереса, совсем недавно заставивший испытать последовательно боль и сладость.

Антон мысленно извинялся и извинялся за "красномордую клетчатую девчонку". Обозвал-то в сердцах.

Всё, что делал, лишь неловкая маскировка недавних чувственных переживаний, которые ещё не стихли. Практически не дотрагиваясь до своих и её интимных зон, юноша испытывал не просто иллюзию, а поистине полноценный процесс физического слияния.

Это инерция воображения. Мозг и происходящее в нём, нельзя как обычный механизм взять и выключить щелчком воображаемого тумблера.

Тогда он хотел одновременно, чтобы эти ощущения продолжались безмерно долго и чтобы закончились как можно быстрее. Такого с ним ещё никогда не происходило.

Что-то непоправимо сдвинулось в недрах сознания, решительно изменив ход самих размышлений и внутренних ощущений, явившихся следствием воображаемого свидания, подвинув обычные понятия и правила с линии запрета в сторону зелёной зоны, где можно всё.

Нелепые неоформленные фантазии о случайно оказавшейся на его коленях девушке нечаянно заняли место всего, что наполняло течение и правила жизни до неё, причём настолько радикально, что Антон не знал, что с этим приобретением делать, как к нему относиться.

Лиза так уверенно и прочно заслонила собой происходящее и волновавшее прежде, обнулив своим появлением все предыдущие события жизни, сделав их незначительными и лишними.

Похоже, именно этой встречи Антон и искал столько лет, а теперь внезапно понял, что не способен больше жить в одиночестве, довольствуясь производственными обязанностями, скудным общением с друзьями, невнятными ожиданиями долгожданных жизненных изменений.

До сих пор ему нравились девушки стройные, высокие, с изумительной высокой грудью, тонюсенькой талией, ярко одетые, стильно причёсанные, весёлые, общительные...

И вот она, Лиза, можно сказать полная противоположность настроенному годами романтического воображения идеалу. Встретил её и забыл, какие девушки нравятся, а какие нет, кроме одной единственной, той, что вонзала в его мозг тысячи колючих заноз, от которых сладко ныло в каждой клеточке тела.

Перед Антоном стояло юное создание с белым, слегка ассиметричным лицом в форме блюдца, никогда не выдавшим, как у большинства коренных северянок, яркого солнца. Под глазами девчушки полянки бледных веснушек, созерцание которых никогда прежде не вызывало в его сердце особенного восторга.

Большущие изумрудные глаза с прищуренным ироничным взглядом, смоляные изогнутые брови, бледноватые губы. Правда форма... форма губ изумительная, так и впился бы в них поцелуем.

Слишком простая, даже по деревенским меркам, одежка. Облик невзрачной серой мышки.

И всё же, и всё же...

Почему так бешено колотится сердце?

По плечам девушки струятся не очень послушные, густые и длинные блестящие волосы, растрёпанные приключениями в автобусе и ветром, намоченные морозящим сию минуту дождём, непослушные, пушистые, вполне замечательные.

Лиза не выпячивает свою женственность, но скромная одежда не в состоянии её полностью скрыть. Ещё этот озорной взгляд цвета сочной травы и странные коричневые искорки в глубине глаз.

В голове Антона крутится впечатление от её одурманивающего запаха: аромат немного вспотевшего юного женского тела, сдобренный едва уловимой ноткой запаха лесной фиалки, гречишного мёда и ещё чего-то терпкого, не облечённое пока в словесную оболочку, только щекочущее обоняние.

Одежда Лизы сильно поношена, но опрятна и впору. Смотрит девчонка настороженно и одновременно доверчиво – как ребёнок, который не ведаёт, как правильно поступить.

Антон тоже не очень понимал, что требуют от него сиюминутные обстоятельства, есть лишь желание немедленно познакомиться, чтобы не упустить навсегда шанс, но у него не было опыта реализации этого желания. Придётся импровизировать.

Девочка определенно его зацепила. Только чем? С виду Лиза не просто обыкновенная – невзрачная. Разве что это именно тот случай, когда судьба посылает сигнал, напоминая, что с лица воду не пить, что любят не за что-то, а потому что. Или срок наступил, когда природа диктует иные, ей одной известные правила...

Время – оно за нас наперед всё знает: появился в кровеносном русле маркер, запускающий цепь реакций, создающих новую жизнь – предоставит этому важному процессу зелёную улицу на всех направлениях.

Природе без разницы, какие у нас планы на будущее, особенно, если они запаздывают или торопятся. Она не признаёт перспективные задумки, стратегии, фантазии, она своего не упустит.

Как говорится “не мытьем, так катаньем”. Коли настало время любить, не отвертеться. Но что это я про любовь? А про что же ещё? Потому и бурлит всё изнутри, в горле сохнет да под ложечкой сосёт, что есть, кроме внешности и другие ориентиры.

Лиза соблазнительна, молода, чувственна, даже немного привлекательна и совсем не важно, чем. Всем...

Да-да, именно так. Каждая клеточка её тела живая. каждая требует любви и готова ей же делиться.

А Антон... о-о-о, он тоже готов делиться, раздавать, дарить, поминая лишь о том, как прекрасен в молодости беззаветный альтруизм, когда ничего не требуется взамен, даже если отнимают нечто помимо воли: значит кому-то нужней, вот и пусть пользуются.

Придёт время, когда и ему чего-то перестанет хватать, а пока у его ног целый огромный мир, который невозможно ни объять, ни обнять, можно только прикоснуться к нему оголёнными нервами, чувствуя вибрации жизни.

Кінець ознайомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/stolypin_valeriy/ne-budi-liho

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)